

Посвящается Съю
1951–2017
Мужество бывает разным

Сопrotивление было образом жизни... Там мы ощущали себя совершенно свободными... неизвестными и непознаваемыми версиями самих себя; людьми, каких больше не найти, существовавшими в уникальных и ужасных обстоятельствах... окруженные призраками или мертвецами. Если бы нам нужно было дать определение этому опыту, мы бы выбрали для него удивительное слово – «счастье».

Жан Кассу, лидер тулузского Сопrotивления и поэт

История человечества формируется из бесчисленных разнообразных актов мужества и веры. Каждый раз, когда человек отстаивает свой идеал, действует ради блага других или борется с несправедливостью, образуется крошечная волна надежды. Пересекаясь друг с другом, выпущенные из миллиона различных центров энергии и смелости, эти волны создают поток, который способен снести самые могучие стены...

Роберт Кеннеди

Идеальный человек тоталитарного режима – не убежденный нацист или коммунист, а тот, для кого более не существуют различия между фактом и фикцией (т. е. реальности опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли).

Ханна Арендт, «Истоки тоталитаризма»

Список действующих лиц

Кодовые имена и оперативные псевдонимы обозначены в книге курсивом. Обычно у агентов существует множество псевдонимов, но для ясности я использовала только наиболее значимые.

Ален = Жорж Дюбуден

Антуан = Филипп де Вомеркур (также *Готье*, *майор Сен-Поль*)

Арамис = Анри Лассо (также *Питер Харратт*)

Артю & Огюст = Генри и Альфред Ньютон

Епископ = аббат Робер Алеш (также *Рене Мартен*)

Боб = Рауль Ле Булико

Карт = Андре Жирар

Селестен = Брайан Стоунхаус

Кристоф = Гилберт Турк

Константин = Жан де Вомеркур

Фонкруз = капитан Генри Чарльз Гиз

Жорж = Жорж Беге

Жевольд = Серж Капальски

Глория = Габриэль Пикабия

Лукас = Пьер де Вомеркур (также *Сильвен*)

Мари = Вирджиния Холл (также *Жермен*, *Филомена*, *Николас*, *Диана*, *Марсель*, *Бриджит*, *Изабель*, *Камилла*, *DFV*, *Артемид*)

Николас = Роберт Буатье (также известный, как *Роберт Бурдетт*)

Олив = Фрэнсис Басен

Пепен = доктор Жан Руссе

Рене = Виктор Герсон (также *Вик*)

Софи = Одетта Вилен

Ля Шатт = Матильда Карре (или *Виктуар*)

Содержание

Список действующих лиц	3
Пролог	6
Глава первая — Мечта	14
Глава вторая — Час настал	40
Глава третья — Подруги легкого поведения	80
Глава четвертая — Прощай, Динди!	117
Глава пятая — Двенадцать минут, двенадцать мужчин	160
Глава шестая — Шпионский улей	180
Глава седьмая — Жестокие горы	215
Глава восьмая — Самый разыскиваемый агент	236
Глава девятая — Свести счеты	274
Глава десятая — Мадонна с гор	313
Глава одиннадцатая — Подарок с небес	355
Глава двенадцатая — Работа в ЦРУ	398
Эпилог	430
Примечания и библиография	435

Пролог

Франция летела в пропасть. Сгоревшие автомобили, когда-то набитые ценными вещами, стояли, уткнувшись носом в придорожные канавы. На протяжении многих миль недружественной дороги вокруг них были разбросаны ошметки груза: когда-то любимых кукол, часов, зеркал... Их хозяева, молодые и старые, распластавшись в горячей пыли, стонали или уже не издавали ни звука. Тем не менее, день за днем полчища людей продолжали течь мимо них в нескончаемом потоке голода и истощения, слишком напуганные, чтобы остановиться.

В пути было десять миллионов женщин, детей и стариков. Все они спасались от гитлеровских танков, хлынувших через границу с востока и севера. Целые города вырвали с корнем сами себя в тщетной попытке спастись от нацистского блицкрига, грозившего их поглотить. Можно было услышать лихорадочные разговоры о немецких солдатах, обнажающих торс в ликовании от так легко давшейся победы. Воздух был наполнен криками, дымом и зловонием мертвых. У младенцев не было молока, а старики падали на месте. Лошади, тянущие перегруженные старые фермерские телеги, оседали и

рычали в пропитанной потом агонии. Свидетелем этого крупнейшего исхода беженцев за всю историю стала майская французская жара 1940 года.

День за днем сквозь эту толпу прокладывал путь одинокий автомобиль с эффектной молодой женщиной за рулем. У рядового Вирджинии Холл часто заканчивались топливо и лекарства, но несмотря ни на что она двигалась на машине скорой помощи французской армии в направлении все приближающегося врага. Она упорно продолжала движение, даже когда по небу с визгом проносились немецкие «Штуки», сбрасывая пятидесятикилограммовые бомбы на окружающие ее вереницы машин, поджигая их и превращая дороги в испещренное кратерами полотно. Даже когда истребители проносились над верхушками деревьев, расстреливая из пулеметов траншеи, где женщины и дети пытались укрыться от этой кровавой бойни. Даже несмотря на то, что французские солдаты, бросая оружие, дезертировали из военных частей и убегали, некоторые прямо на своих армейских танках. Даже когда ее левое бедро пронзала боль из-за того, что она постоянно жала на педаль сцепления протезом ноги.

Для 34-летней Вирджинии, пережившей столько жестоких отказов, эта миссия стала поворотным моментом в жизни. Она не могла снова потерпеть неудачу — ради нее самой и ради раненых, которых она забирала с полей сражений и доставляла в госпиталь. Было много причин, по которым она добровольно рисковала жизнью вдали от дома, помогая чужой стране, в то время как миллионы других сдавались. Возможно, главной причиной было то, что она давно не чувствовала себя такой удивительно живой. Трусость дезертиров вызывала у Вирджинии отвращение, она просто не могла понять, почему они не продолжают борьбу. Но ей было практически нечего терять. Французы все еще помнили, что треть их молодого мужского населения была принесена в жертву Великой

войне¹, и нация вдов и сирот не была настроена на новое кровопролитие. Однако Вирджиния намеревалась идти до конца, куда бы битва ни привела ее. Она была готова пойти на любой риск, столкнуться с любыми опасностями. Всеобщая война против Третьего рейха могла удивительным образом дать Вирджинии Холл последнюю надежду на личный покой.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что готовила ей жизнь дальше, постепенно превращаясь в гомеровский эпос о приключениях, подвигах и казавшемся непостижимым мужестве. Служба Вирджинии Холл в скорой помощи летом 1940 года была лишь подготовкой к тому, что вскоре переросло в почти самоубийственную миссию против тирании нацистов и их марионеток во Франции. Она стала первопроходцем в отчаянном и рискованном шпионаже, саботаже и подрывной деятельности в тылу врага в эпоху, когда женщины едва ли могли выступить в героической роли: их участие в бою фактически ограничивалось поддержкой и уходом за ранеными. В те времена женщина должна была всего лишь хорошо выглядеть и вести себя послушно, оставляя всю тяжелую работу мужчинам. В те времена женщины-инвалиды (как, впрочем, и мужчины) чаще всего были заперты дома и вынуждены вести частную, ничем не примечательную жизнь. Поэтому поразительно, что молодая женщина, потерявшая ногу при трагических обстоятельствах, вырвалась из самых тесных рамок и смогла преодолеть предрассудки и даже враждебность, чтобы помочь союзникам выиграть Вторую мировую войну. А тот факт, что женщина — лидер партизанского движения такого масштаба до сих пор столь мало известна, просто невероятен.

¹ Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918). «Великой войной» или «Большой войной» ее называли во всем мире непосредственно во время боевых действий и некоторое время после. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — *Прим. ред.*

И тем не менее, возможно, Вирджиния хотела бы именно этого. Она действовала в тени, и именно там она была счастливее всего. Даже ее ближайшему кругу во Франции казалось, что у нее нет ни дома, ни семьи, ни полка, — ничего, кроме горячего желания победить нацистов. Они не знали ни ее настоящего имени, ни национальности, ни того, как она оказалась среди них. Постоянно меняя внешность и манеру поведения, неожиданно появляясь в различных уголках Франции только для того, чтобы снова столь же внезапно исчезнуть, она оставалась загадкой на протяжении всей войны, а в некотором роде и после нее. Даже сейчас, чтобы проследить ее историю, мне потребовалось три года кропотливой детективной работы: от Национального архива в Лондоне к документам Сопrotивления в Лионе, зонам парашютной высадки в Верхней Луаре, судебным записям в Париже и даже белым мраморным коридорам штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. В своих поисках я прошла через девять кругов служб безопасности к самому сердцу современного мира американского шпионажа. Я обсуждала трудности операций на вражеской территории с бывшими бойцами британского спецназа. Я разыскала часть документов, которые считались пропавшими без вести, и обнаружила, что другая их часть была загадочным образом потеряна или отсутствует в описях. Я проводила дни, рисуя оргниграммы², соответствующие десяткам кодовых имен с десятками миссий; проводила годы, откапывая сотни забытых документов и мемуаров; проводила месяцы, выискивая оставшиеся выдержки из тех странных «исчезнувших» бумаг. Конечно, лучшие партизанские лидеры не ставят себе целью осчастливить будущих историков, записывая в пять утра в дневник идеальные отчеты о своих

² То есть организационные диаграммы — таблицы или схемы, изображающие иерархии или структуры управления.

ночных миссиях. А те отчеты, которые существуют, часто отрывочны или противоречивы, что только усложняет задачу установления связей. Временами казалось, что мы с Вирджинией играем в кошки-мышки; словно из могилы она все еще, как она обычно выражалась, «не желала говорить о том, что сделала». В ее тайной вселенной, когда практически вся Европа от Северного моря до границ СССР находилась у нацистов под каблуком, доверие было непозволительной роскошью. Таинственность была так же важна, как кольт 45-го калибра. И все же в эпоху, когда мир, кажется, снова клонится к разделению и экстремизму, ее пример товарищества, не знающего границ, и стремление к высшему идеалу выделяются больше, чем когда-либо, — и о об этом необходимо говорить.

Правительства стран также не упростили задачу заполнения пробелов. Десятки важных документов до сих пор засекречены для следующего поколения, хотя мне удалось добыть некоторые из них для этой книги благодаря неоценимой помощи двух бывших офицеров разведки. Еще больше материалов сгорело во время разрушительного пожара в Национальном архиве Франции в 1970-х годах, оставив дыру в официальных отчетах. Целые пачки бумаг в Национальном управлении архивов и документации в г. Вашингтоне, по-видимому, были утеряны или, возможно, неправильно подшиты в папки; какое-то приличное их количество, по-видимому, забыто при переезде из одного здания в другое. Сохранилось только пятнадцать процентов оригинальных документов Управления специальных операций — британской секретной службы, на которую Вирджиния работала с 1941-го по 1944-й год. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, все петляния и резкие повороты в темных и тщательно скрытых переулках, история Вирджинии ни разу не разочаровала: на самом деле она каждый раз оказывалась еще более необычной, ее персонажи — еще более яркими, ее значение — намного бóльшим,

чем можно было представить. Вирджиния Холл не только помогла навсегда изменить искусство шпионажа и то, как видят женщин во время войны, но и существенно повлияла на ход боевых действий во Франции.

Враги Вирджинии были хитрыми и смертельно опасными; и она действовала более галантно и смело, чем в сюжетах многих голливудских блокбастеров. И все же эта невероятная история — чистая правда, а Вирджиния — героиня из реальной жизни, которая упорно продолжала идти вперед несмотря ни на что, даже когда казалось, что все потеряно. Безжалостная вселенная обмана и интриг, в которой она обитала, вдохновила Яна Флеминга на создание Джеймса Бонда, но в итоге к образу идеального шпиона оказалась ближе Вирджиния Холл. Столь же безжалостная и хитрая, как вымышленный командер Бонд, в отличие от него она знала, что необходимо слиться с толпой и всегда держаться на расстоянии как от друзей, так и от врагов. Там, где имя Бонда было известно каждому международному злодею, она ускользала от своих невидимых врагов. Там, где Бонд водил роскошный Aston Martin, она путешествовала поездом или трамваем, или, несмотря на инвалидность, пешком. Там, где персонаж Флеминга, казалось, легко поднимался на вершину, Вирджинии пришлось бороться за каждую крупницу признания. Ее борьба сделала ее великой личностью. Она выжила и даже преуспела в тайной подпольной жизни, ломающей многих, казалось бы, гораздо более подходящих для этой работы людей. Неудивительно, что нынешний глава МИ-6, известный как С, рассказал, что он специально ищет новобранцев, которые не кричат слишком громко и не хвастаются, но которым пришлось «бороться, чтобы преуспеть в жизни»³.

Вирджиния была человеком, конечно, не лишенным недостатков, страхов и сомнений, присущих всем нам (воз-

³The Guardian. 02.03.2017.

можно, у нее их было даже больше). Но они только помогли ей лучше понимать своих врагов. Лишь однажды инстинкты подвели ее — с катастрофическими последствиями. Однако чаще всего она умирала своих демонов и в процессе завоевывала доверие, восхищение и, в конечном счете, благодарность тысяч людей. Встретив Вирджинию, было невозможно ее забыть. До того момента, как в 1960-х годах она ушла на пенсию, завершив свою послевоенную карьеру в ЦРУ, она была женщиной, опередившей свое время — и ей все еще есть что сказать нам сегодня.

Она придала новую форму тайной войне — войне вне старых правил конфликта — и, хотя и была поначалу любителем, стала одним из величайших военных шпионов. Споры о женщинах, сражающихся наравне с мужчинами на передовой, все еще бушуют, но почти восемь десятилетий назад она уже командовала мужчинами глубоко в тылу врага. Она пережила шесть лет войны в Европе — мало кто из американцев проходил через подобный опыт. Она снова и снова ставила на кон собственную жизнь, но не из пылкого чувства патриотизма, а из любви и уважения к свободам другой страны. Она взрывала мосты и туннели, обманывала, торговала и убивала, когда это было необходимо. Война, которую она вела, была по форме похожа на современную, основанную на пропаганде, обмане и создании внутреннего врага с целью свергнуть режим, — эти методы теперь всем нам хорошо знакомы. Но ее цели были благородны — она хотела защитить, а не уничтожить, вернуть свободу, а не отнять ее. Она не стремилась ни к славе, ни к популярности — она их и не обрела.

Это не военный отчет о битве за Францию, не анализ изменчивых форм шпионажа или все возрастающей роли сил специального назначения. Хотя все это, конечно, создает богатый и драматический фон истории Вирджинии. Эта книга — скорее попытка показать, как одна женщина помогла переломить ход истории и боролась за правду.

Как невзгоды, неприятие и страдание иногда могут превратиться в решимость и, в конце концов, в победу. Даже на фоне жестокого и ужасающего конфликта, который отбрасывает длинную тень на то, как мы живем сегодня. Как женщины, если только им дадут шанс, могут выйти за рамки традиционного образа женской красоты, чтобы бросить вызов любым стереотипам. И как отчаянное и страшное военное время может странным, почти извращенным образом открыть возможности, к которым нормальная жизнь, к сожалению, не дает доступа.

Конечно, Вирджиния, служившая в британских и американских спецслужбах, работала не одна. Поддерживающие ее местные жители — врачи, проститутки, жены фермеров, учителя, промышленники и полицейские — также были забыты историей, но часто дорого платили за свою доблесть. И хотя их действия были отчасти вдохновлены романтическими идеями и возвышенными идеалами, в то же время они осознавали, что если допустят ошибку или попадут в плен, то обрекут себя на одинокую и ужасную смерть. Некоторые из самых коррумпированных и чудовищных фигур Третьего рейха были одержимы Вирджинией и ее связями и неустанно стремились уничтожить ее и движение, которое она помогла создать. Но когда в 1944 году настал час освобождения Франции, секретные армии, которые она снаряжала, обучала, а иногда и возглавляла, превзошли все ожидания и помогли добиться полной и окончательной победы союзников. Но даже этого ей было мало.

Мечта

Миссис Барбара Холл думала, что все идет ровно так, как она и планировала. Вирджинию, родившуюся 6 апреля 1906 года, свою единственную дочь и младшего ребенка в семье, она растила, рассчитывая на выгодный брак для девушки. В прошлом веке, будучи юной секретаршей, Барбара сорвала куш, выйдя замуж за своего начальника Эдвина Ли Холла (известного также как Нед) — богатого балтиморского банкира и владельца кинотеатра — и больше никогда не хотела оглядываться назад. Столь крутой подъем по социальной лестнице в высшие круги Восточного побережья привил ей манеру, по крайней мере, по словам ее собственной семьи, «задирать нос». В конце концов, хоть и рассказывали, что отец Неда, Джон У. Холл, сбежал в море в возрасте девяти лет на одном из семейных парусников, но впоследствии-то он женился на богатой наследнице и стал президентом Первого национального банка. Брат Джона, двоюродный дед Вирджинии, носил титул почетнейшего члена элитного жокей-клуба Мэриленда⁴. Барбара видела роскошную жизнь старших Холлов: коридор их роскошного таунхауса

⁴ Жокей-клуб Мэриленда — старейшая спортивная организация США, занимающаяся скачками и основанная в 1743 году.

в Балтиморе, по общему мнению, был достаточно широк, чтобы в нем могла развернуться карета вместе с лошадьми. Но Неду, к явному разочарованию Барбары, не удалось сохранить семейное состояние, не говоря уже о том, чтобы его увеличить, поэтому домохозяйство Холлов стало более скромным. Их семейный дом на ферме Боксхорн в Мэриленде был элегантным, но не имел центрального отопления и снабжался водой из ручья. Да и квартира в центре Балтимора была съемной. Так что долгом Вирджинии было вернуть семью Холлов на прежние социальные высоты, выйдя замуж за богатого мужчину.

В своей прежней жизни Барбара с явным удовольствием наблюдала, как за Вирджинией ухаживают состоятельные женихи. До того как она потеряла ногу, Вирджиния была столь привлекательна, что друзья в шикарной частной средней школе Roland Park Country называли ее «Донной Хуанитой»⁵. Высокая и стройная, с блестящими орехово-кариными глазами и очаровательной улыбкой (когда она решала ею воспользоваться), Вирджиния была необычайно энергичной и представляла собой вызов для мечтавших ее приручить молодых людей. Однако она с презрением относилась к таким проявлениям мужского пыла и отстаивала свою независимость, надевая широкие брюки и клетчатые рубашки при любой возможности. «Свободу вы должны мне дать во всем чтоб я, как вольный ветер»⁶, — в возрасте восемнадцати лет написала она в выпускном альбоме школы в 1924 году. Мало из того, что она говорила или делала, соответствовало грандиозному плану ее матери.

⁵ «Донна Хуанита», или «Донья Жуанита» — оперетта Ф. фон Зуппе. Жуанита — прекрасная племянница жены губернатора острова, однако большая часть оперетты проходит без этого персонажа. Действие развивается вокруг приема с переодеванием: один из героев, разведчик Жуан, выдает себя за прекрасную Жуаниту, чтобы выведать секретные военные сведения.

⁶ Цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится». Пер. П. И. Вейнберга. — *Прим. пер.*

Вирджиния любила бросать вызов условностям. Она охотилась с ружьем, снимала шкуру с кроликов, ездила на лошади без седла, а однажды даже пришла в школу с рукой увитой, подобно браслету, живыми змеями. Словно ее бабушка-мореплаватель, бесстрашная юная Динди, как называла ее семья, жаждала приключений, даже если это означало надолго отказаться от комфорта. Тот факт, что школа Roland Park Country с диккенсовской настойчивостью следовала правилу держать окна открытыми в морозную погоду (то есть девочки сидели на уроках в пальто, перчатках и шляпах), похоже, ее совсем не беспокоил.

Динди описывала себя как «упрямую и своенравную»⁷ — мнение, которое разделяли ее одноклассники, тем не менее, также признававшие ее организаторские способности и инициативу. Они считали ее своим естественным лидером и голосованием выбрали ее в качестве президента класса, главного редактора, капитана спортивной команды и даже «Пророка класса». Ее старший брат Джон изучал химию в Университете Айовы, а затем, как положено, пошел работать к отцу — путь, предрешенный с самого его рождения. Вирджиния, напротив любила исследовать новое, заставляя своих одноклассников не ожидать от нее ничего, кроме самого неожиданного. Сверстники в школе считали ее наиболее «оригинальной» среди них, — она явно считала это комплиментом — и Вирджиния признавалась, что стремилась «всегда соответствовать своей репутации»⁸. Если Нед снисходительно относился к этому индивидуалистическому подходу, то у Барбары были совершенно другие взгляды. Миссис Холл хотела, чтобы ее «оригинальная» дочь отказалась от своей тяги к приключениям ради большего — богатого мужа и фешенебельного дома. В возрасте девятнадцати лет Вирджиния уже, как

⁷ Журнал Quid Nunc, сельская школа Роланд Парк.

⁸ Там же.